

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DIGITAL ECONOMY AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

**A. Voronov
O. Shmali**

Summary. The study based on the analysis of foreign and Russian legislation identifies possible indicators of the limits of legal regulation of the digital economy. This approach allowed to formulate the concept of digital economy as an object of legal regulation

Keywords: digital economy, digital technologies, regulation, public administration.

Воронов Алексей Михайлович

*Д.ю.н., профессор, г.н.с., Институт государства и права РАН, эксперт РАН
adminlaw@igpran.ru*

Шмалий Оксана Васильевна

Д.ю.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В исследовании на основе анализа зарубежного и российского законодательства выявлены возможные индикаторы пределов правового регулирования цифровой экономики. Данный подход позволил сформулировать понятие цифровой экономики как объекта правового регулирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, регулирование, государственное управление.

В настоящее время социальное регулирование переживает новую эпоху своего развития. На смену универсальным регуляторам, давно привычным для понимания и осознания, таким как: мораль религия, право, пришли новые трансформированные модели регулирования — программный код и его интерпретированные элементы: искусственный интеллект, блокчейн и др.

Несомненно, «цифровая экономика кардинально трансформирует политическое и социально-экономическое устройство, а равно среду общественной жизнедеятельности в целом. Происходит становление производственных отношений нового поколения, способных на качественно ином уровне развития социума обеспечить базис его существования и дальнейшего развития. Такого рода трансформация предполагает адекватного правового сопровождения, его адаптации к экономическим отношениям и процесса нового содержания и синхронизации с цифровизацией [1].

Политической реакцией государства на изменяющиеся социально-экономические условия явилось принятие целого комплекса программных документов в области цифровизации. Так, Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. N2036-р — Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г.

№ 313 — Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» [2]. 28 июля 2017 года Распоряжением Правительства Российской Федерации N1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], главной целью которой явилось создание достаточных и необходимых условий для развития в России цифровой экономики. На сегодняшний день актуальным является Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4].

Обращаясь к мировому опыту, следует отметить, что исследования в области цифровизации ведутся давно. В зарубежной науке цифровизация в основном рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху.

В качестве объекта правового регулирования за рубежом значительное внимание уделяется различным программам инвестирования в цифровую инфраструктуру, о чем говорится в большинстве стратегических документов, посвященных развитию цифровой экономики. Так, в Цифровой стратегии Объединенного Королевства от 1 марта 2017 г. [5] указывается на необходимость создания основы для инвестиций в мировую экономику, важным компонентом которой является цифровая связь, а также отмечается, что данная задача требует от государства построения цифровой инфраструктуры мирового уровня, что обуславливает потребность в инвестициях. В Цифровой стратегии Германии до 2025 года

[6] говорится о намерении государства сформировать новую нормативно-правовую базу для поощрения вложения инвестиций в развитие инноваций и цифровых технологий. Международная цифровая стратегия Франции, представленная 15 декабря 2017 г. [7], предполагает создание специальной комиссии, которая должна заниматься поддержкой частных инвестиций в венчурные проекты, направленные на развитие цифровых технологий, а также указывает на необходимость стимулирования привлечения иностранных инвестиций во французские цифровые экосистемы. Интересно отметить, что в Европейском союзе принят единый стратегический документ наднационального уровня — Стратегия единого цифрового рынка [8], который предполагает активное финансирование программы «Цифровая Европа» для повышения международной конкурентоспособности Европейского союза, а также для развития и укрепления его стратегического цифрового потенциала в отношении искусственного интеллекта, кибербезопасности, передовых навыков работы с цифровыми технологиями, а также обеспечения их широкого использования и доступности как для предпринимательского сообщества, так и для государственного сектора. В Австралии учреждено Агентство цифровой трансформации, которое представило соответствующую Стратегию цифровой трансформации до 2025 года [9], провозглашающую в качестве основной миссии предоставление ведущих мировых цифровых технологий в интересах всего населения Австралии. При этом Правительство Австралии вложило инвестиции в Партнерство по интеграции данных, которое служит связующим звеном между государственными органами, агентствами и бизнесом. Правительство Индии реализовало инициативу «Стартапы Индии», которая предполагает формирование экосистемы, способствующей финансированию стартапов, включая налоговые льготы для финтех-компаний, и создание Национальной кредитной страховой компании, которая обеспечивает финансирование для начинающих компаний в сфере финтех [10].

Определяя объекты правового регулирования в области цифровизации, необходимо обратить внимание и на цифровую повестку Евразийского экономического союза, потому что это «тот правовой ландшафт, который в какой-то мере даже больше опосредует эту сферу, чем национальное законодательство» [1]. В этой связи определенным вектором правового обеспечения цифровой экономики являются положения части 3, раздела 3 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» устанавливающие необходимость реализации новых норм, закрепленных в праве Союза, по вопросам цифровой трансформации процессов управления интеграционными процессами,

их реинжинирингу, международной кооперации, использованию цифровых моделей, процедур, порядков, стандартов и методологии управления проектами. По нашему мнению, это магистральная линия, по которой должна развиваться правовая повестка в России и других странах, входящих в Евразийский экономический союз.

Один из вариантов правового регулирования — сочетание разных стратегий, и, по всей вероятности, будущее именно за ним. В некоторых странах, в частности во Франции и Великобритании, необходимые в данный момент законы уже приняты. Так, в Великобритании был принят закон Соединенного Королевства от 2010 г. «О цифровой экономике» (Digital Economy Act 2010, DEA) [11], данным законом были внесены изменения в закон «О связи» и иные нормативные акты. В законе установлены условия привлечения к ответственности за нарушение авторских прав авторских прав в сети Интернет, порядок перехода страны на цифровое телевидение, выдачи лицензий на радиовещание, издания видеоигр, а также полномочия правообладателей, обязанности провайдеров, ответственность операторов сайтов и пользователей. В 2017 году в Соединенном Королевстве был принят новый закон «О цифровой экономике» Настоящий закон вносит изменения, в частности, в Закон 1979 г. «О выдаче произведений в публичных библиотеках», Закон 1988 г. «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах», Закон 1949 г. «О зарегистрированных промышленных образцах», Закон 1996 г. «О теле- и радиовещании», и Правила 2003 г. «Об авторском праве и смежных правах». Данным правовым актом, с учетом современных регулятивных проблем в области цифровизации, были внесены изменения в секции 31–34 части 4 «Интеллектуальная собственность» Закона 2017 г. (вступившие в силу 31 июля 2017 г., 1 октября 2017 г. и 30 июня 2018 г.) вносят изменения в указанные Законы в отношении следующего:

- ◆ разрешение публичным библиотекам выдавать электронные книги;
- ◆ проведение реформ в отношении нарушений авторских прав в интернете (повышение максимальной меры наказания с двух до десяти лет лишения свободы);
- ◆ создание новой онлайн-системы регистрации промышленных образцов Webmarking, благодаря которой владельцам промышленных образцов станет проще охранять свои права;
- ◆ отмена положений законодательства, в соответствии с которыми кабельная ретрансляция передач общественных вещательных организаций не является нарушением авторского права.

Во Франции действует Закон № 2004–575 от 21.06.2004 г. (в ред. от 30.12.2016 г.) «О доверии к циф-

ровой экономике» (LCEN), в рамках которого несколькими министерствам французского правительства предоставлена возможность в установленных случаях ограничить онлайн-контент [12].

Тем не менее общая тенденция такова, что государства не спешат опосредовать законом новые общественные отношения. И это при том, что, например, внедрение в различные сферы социальной жизни технологи, блокчейн, или распространение криптовалют, уже позволяет говорить о новой экономике. Некоторые страны, в том числе Соединенные Штаты Америки и Россия, идут по пути казуального регулирования этих отношений [1]. Учитывая нынешнее состояние правового регулирования цифровой экономики в России, следует констатировать, что нормативное регулирование нередко замещается казуальным. Суды вынуждены, при отсутствии четких правовых установок, решать нетипичные дела посредством прецедентов. Так, в марте 2018 года арбитражный суд г. Москвы решал вопрос о том, какими именно активами следует считать криптовалюту: деньгами, денежным суррогатом, имуществом, фиатными деньгами, электронными деньгами, валютой, финансовым инструментом или ценными бумагами и можно ли их включить в конкурсную массу [13].

В связи с этим очень актуален выбор стратегии регулирования.

Для определения основных регуляторов в области цифровизации, пожалуй, одним из основных критериев является формирование четкого понятийного аппарата и опосредуемых данными категориями объектов правового регулирования.

На наш взгляд представляется целесообразным, прежде всего, определиться с понятием «цифровая экономика». Уместно отметить, что в первые данный термин был введен американским профессором Массачусетского технологического института Николасом Негропonte в 1995 году в книге «Being Digital» [14]. Однако и по сей день отсутствует единообразный подход к определению содержания данной категории. В это связи необходимо провести анализ нескольких определений термина «цифровая экономика», которые существуют в экономической доктрине.

Достаточно широкое определение понятия «цифровая экономика» приводит В.В. Иванов, который под цифровой экономикой понимает «виртуальную среду, дополняющую нашу реальность». Однако приведенное определение не выделяет существенные характеристики, присущие цифровой экономике. Пожалуй, подобным образом можно определить как цифровую экономику,

так и любую другую сферу, которая развивается с применением технологий виртуальной реальности и инновационными информационными технологиями.

В.М. Матвеева, в свою очередь, ссылаясь на доклад Всемирного банка 2016 года, представляет цифровую экономику в качестве «парадигмы ускорения экономического развития при помощи передовых цифровых технологий» [15].

Немного иное, однако, более точное и конкретизированное понятие цифровой экономики приводится в статье Н.К. Норец, А.А. Станкевич как определенного рода системы социальных, культурных, политических и экономических отношений, базирующихся на использовании компьютерных (цифровых) информационно-коммуникационных технологий [16].

Мещеряков Р.В. полагает, что существует два подхода к определению термина «цифровая экономика». Согласно первому классическому подходу, под цифровой экономикой понимается «экономика, которая основывается на цифровых технологиях, при этом ее правильнее всего характеризовать исключительно как область электронных товаров и услуг. Примерами являются — дистанционное обучение, телемедицина, продажа медиаконтента (книги, ТВ, кино и многое другое). Согласно второму расширенному подходу, «цифровая экономика — это экономическое производство, при котором используются цифровые технологии». Однако при этом многие эксперты отмечают, что данное понятие необходимо расширять и включить в него целую цепочку товаров и услуг, оказываемых с использованием цифровых технологий, таких как Интернет вещей, умная фабрика, Индустрия 4.0, инжиниринговые услуги прототипирования, сети связи пятого поколения и многое другое.

Наиболее универсальным, представляется дефиниция, предложенная Н.В. Василенко, которая определяет цифровую экономику в качестве «типа экономики, который характеризуется активным использованием и внедрением цифровых технологий обработки, хранения, передачи информации в каждую из сфер человеческой деятельности» [17].

А.А. Энговатова, в свою очередь, определяет цифровую экономику в качестве «экономики, основанную на новых современных методах обработки, генерирования, передачи данных, хранения, а также цифровых компьютерных технологиях».

Кардинальную трансформацию в контексте данной экономической модели претерпевают рыночные бизнес-модели, существующие на сегодняшний день, суще-

ственно меняется модель формирования добавочной стоимости, значительно уменьшается значения посредников на всех уровнях экономики.

Одновременно с этим значение индивидуального подхода к формированию продукта увеличивается, так как теперь каждый из нас может смоделировать все что пожелает.

На основании вышеприведенного анализа подходов к определению термина «цифровая экономика» можно утверждать, что в большинстве случаев «цифровая экономика» описывается как процесс или же как результат «цифровой трансформации экономики». Определяя содержание данного понятия А.В. Шиманская и К.В. Якушенко, отмечают, что на данный момент дефиниция «цифровая экономика» не устоялась в научных кругах; в основном данная сентенция используется бизнес-обществом, представителями наднациональных и государственных структур [18]. Необходимо отметить, что на наднациональном уровне, в частности в рамках ЕАЭС сформулированы основные понятия в области цифровой экономики. Так, в Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» в числе основных определений обозначены такие понятия как «цифровая экономика», «цифровая трансформация» и др.

В частности «цифровая экономика» определяется как часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий; «цифровая трансформация» — проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики.

Таким образом, технологически, цифровая экономика — это среда, в которой физические и юридические лица контактируют между собой по поводу вопросов совместной деятельности. Однако в контексте вышеприведенного определения, необходимо рассматривать не любую совместную деятельность, а деятельность именно экономическую, то есть связанную с процессами перераспределения, создания и обмена блага для удовлетворения определенных потребностей.

Система цифровой экономики, с точки зрения технической реализации, основывается на создании цифровых платформ, под которыми понимается система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия.

Основное легальное определение «цифровой экономики» можно вывести из ранее названного Паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в котором «цифровая экономика» описана как экономика, в которой данные в цифровой форме выступают ключевым фактором производства в различных сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечивается наиболее эффективное взаимодействие, в том числе трансграничное, научно-образовательного сообщества, бизнеса, граждан и государства. Возможно, подобное определение «цифровой экономики» и не может отразить в полной мере все правовые особенности понимания данного термина, однако на данный момент является наиболее практически применимым и универсальным [19].

Для определения возможных объектов правового регулирования в области цифровой экономики, стоящих перед правовым сообществом в связи с переходом к цифровой экономике, необходимо обозначить основные элементы цифровизации. Например, Н.В. Василенко выделяет три базовые составляющие цифровой экономики: инфраструктура, деловые операции в электронной форме, электронная коммерция.

В паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» выделяется три уровня цифровой экономики, которые в тесном взаимодействии между собой влияют на жизнь граждан и общества в целом:

- ◆ отрасли рынка и экономики, где взаимодействуют конкретные субъекты (потребители товаров, услуг, работ и поставщики);
- ◆ технологии и платформы, где формируются компетенции для развития отраслей и рынков экономики;
- ◆ среда, создающая условия для развития технологий и платформ и наиболее эффективного взаимодействия отраслей экономики и субъектов рынка, охватывающая информационную инфраструктуру, нормативное регулирование, кадры и информационную безопасность.

Таким образом, основными сферами общественных отношений в рамках цифровой экономики, которые требуют правового регулирования, являются:

- ◆ *сфера производства*: lean production (бережливое производство) за счет автоматизированного сбора, обработки, анализа показателей в децентрализованных системах на любом уровне (в сферах производства товаров и услуг, строительства, сельского хозяйства); инновационные методы управления проектами (Kanban, Agile, PRINCE2, Scrum); автоматизация документооборота на основе технологий blockchain и управление цепочками поставок и многое другое;
- ◆ *сфера финансового обращения*: использование криптовалют, осуществление электронных расчетов; первичное размещение токенов или ICO (Initial Coin Offering);
- ◆ *сфера электронной торговли*: применение отраслевых агрегатов в сфере реализации услуг и товаров (Amazon, Яндекс Market, Uber, AliExpress), реклама на основе Big Data.

Здесь приведены лишь несколько из возможных областей, в которых на данный момент наиболее остро ощущается необходимость в совершенствовании правового регулирования. Однако становится очевидным, что многие традиционные отрасли с развитием цифровой экономики были существенно трансформированы и требуют принципиально новых законодательных решений. Необходимо отметить, что российское законодательство на данный момент в определенной мере отстает от законодательства Европы и США. Хотя даже в ведущих европейских государствах и США на законодательном уровне далеко не все аспекты в развитии цифрового общества урегулированы на подобающе высоком уровне.

Основы нормативного регулирования цифровой экономики в настоящее время заложены в стратегических документах. Реализуемая ныне национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» сфокусирована на развитии следующих базовых направлений: нормирование, информационная инфраструктура, кадры, обладающие сформированными цифровыми компетенциями, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровизация государственного управления.

В рамках данных направлений определены цели и задачи развития цифровизации:

- ◆ *институциональные* (нормативное регулирование, кадры для цифровой экономики);
- ◆ *функциональные* (информационная инфраструктура, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровое государственное управление).

Институциональной основой нормативного регулирования является формирование нормативно-регуля-

тивной среды цифровой экономики, гибко реагирующей на развитие отношения в сферах отраслевого регулирования.

Задачи и предполагаемые результаты, закрепленные в программных документах, позволяют говорить о тех объектах правового регулирования, которые должны найти свое отражение в нормативно-правовых актах. Определение данных сфер регулирования, надо полагать, обусловлено, в первую очередь, такой константой как права человека. Именно этот целевой ориентир и должен быть положен в основу правового регулирования цифровизации, при этом уместно отметить, что здесь не обойтись лишь точечными изменениями, потребуются системная коррекция законодательства, в первую очередь, базовых отраслевых законов — ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ, ТК РФ и др.

При таком подходе следует не забывать о возможных пределах правового регулирования, учитывая специфику сферы цифровой экономики. Такие пределы могут быть установлены посредством риск-ориентированного подхода, при котором регулятор устанавливает критерии отнесения объекта защиты к определенной категории риска. Критерии могут быть различными, например, тяжесть потенциальных негативных последствий в случае регулирования той или иной сферы цифровой экономики или (и) нарушение прав и свобод граждан.

Между тем, следует отметить, что экономическая сфера характеризуется наибольшими рисками. Отсутствие четкой идентификации рисков в данной сфере с одной стороны, может привести к серьезным проблемам на макроуровне, с другой — нарушению прав граждан на микроуровне.

Ранее нами отмечалось, что цифровую экономику невозможно подвести под общий правовой знаменатель. Кроме того, цифровая повестка развивается значительно быстрее, нежели регуляторы данного процесса. Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» определяет временные ориентиры и целевые показатели, которые необходимо достигнуть. В частности, на первом этапе в качестве первоочередных мер необходимо совершенствование нормативного правового регулирования, снятие существующих барьеров в области развития цифровой экономики и как следствие создание правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия (2018–2020 г.г.). На втором этапе предполагается реализовать меры по совершенствованию нормативного правового регулирования в области цифровой экономики, в том числе определить позицию Российской Федерации по вопросам, способствующим развитию цифровой экономики и гармонизации подходов в этой сфере на простран-

стве ЕАЭС (2020–2024 г.г.). На третьем этапе необходимо обеспечить реализацию двух моделей: комплексной правовой регламентации отношений, возникающих в контексте цифровой экономики; организации процесса управления изменениями в области правовой регламентации цифровой экономики (2024 г.).

Резюмируя следует кратко отметить, что успешное функционирование цифровой экономики возможно лишь при сбалансированном правовом регулировании. Здесь речь идет, в первую очередь, об оптимальном соотношении норм права и других социальных регуляторов. Своеобразным индикатором пределов правового регулирования выступают возможные риски, отсутствие таких рисков или низкая категория риска, позволяет говорить о возможном соотношении права и других социальных регуляторов. В частности, подобным инструментом может выступить саморегулирование, которое частично обеспечивается нормами морали и этики и частично страховыми обязательствами. Например, в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года помимо норм гражданского права закрепляются нормы морали и этики в области робототехники, а также предложения в области страхования ответственности роботов.

Вполне очевидно, что полноценное правовое регулирование в области цифровизации невозможно вне понимания технологических особенностей цифровой экономики. В этой связи, необходимо познание природы юридико-технических отношений, возникающих в области цифровизации, дабы определиться с объектами правового регулирования. Логично, что пределы регулирования должны определять не только и не столько юристы, а первоначально представители технических профессий способные определить ту или иную категорию риска в области цифровых отношений.

Поиск эффективного баланса правового регулирования и саморегулирования возможен через активно применяемую в последнее время практику правового эксперимента. В частности, Министерством экономического развития РФ подготовлен проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20]. В рамках режима, применяемого законом к субъекту информационно-правовых отношений, предоставляется право в течение некоторого времени специально регулирования (стр. 2 проекта). Это означает, что на разработчиков цифровых технологий не будут распространяться нормативно-правовые акты, затрудняющие внедрение инноваций. Исключение составят, в частности, нормы о защите прав потребителей (стр. 6 проекта). Юридические лица, разрабатывающие цифровые технологии, получают возможность ис-

пользовать экспериментальные правовые режимы. Это позволит сокращать издержки и время внедрения инновационных продуктов, снижать юридические риски, ускорять вывод новых решений на рынок, быстро отсеивать нерабочие бизнес-модели. Экспериментальный правовой режим смогут установить, например, в сферах (стр. 1 проекта):

- ◆ дистанционной торговли товарами, работами, услугами;
- ◆ разработки, тестирования и эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств;
- ◆ строительства, эксплуатации зданий, сооружений.

Отметим, что ЦБ РФ еще с 2018 года подобные правовые режимы (регулятивные «песочницы») установил для финансовых продуктов. В законопроекте определены условия применения экспериментальных режимов. Субъектам предпринимательской деятельности следует обратить внимание на следующие условия (стр. 11 проекта):

1. цифровые инновации готовы к использованию;
2. действующие НПА мешают их внедрять;
3. внедрение инноваций приведет хотя бы к одному из последствий:
 - ◆ появится новый вид экономической деятельности;
 - ◆ расширится состав, качество или доступность товаров, работ и услуг;
 - ◆ у субъекта предпринимательской деятельности увеличится прибыль и снизятся издержки;
 - ◆ повысится эффективность государственного или муниципального управления, в том числе предоставления госуслуг (актуально для разработчиков соответствующих IT-решений). При выполнении данных условий возможно применение экспериментального режима в отношении субъекта предпринимательской деятельности.

Специфика цифровой экономики как объекта правового регулирования заключается в ее наднациональном характере. Цифровизация не может обеспечиваться только нормами отечественного законодательства; глобальные масштабы цифровой экономики определяют интегративный характер законодательства. Имплементация международного законодательства в отечественное право закреплено в части 4 статьи 15 Конституции РФ. Учитывая то обстоятельство, что нормы международного законодательства могут повлечь серьезную коррекцию отечественного права, нужно весьма взвешенно подходить к ратификации международных договоров.

Представляется внедрение цифровой экономики повлечет за собой новые вызовы и угрозы. В контексте

определения угроз безопасности целесообразно выделить прямые и косвенные угрозы. К категории прямых угроз, следует отнести киберпреступность, посредством которой преследуются следующие цели:

- ◆ нанесение экономического ущерба государству в виде дестабилизации системы, которая направлена на обеспечение определенной сферы жизни общества (экономическая цель);
- ◆ нанесение государственным институтам ущерба, который подрывает систему существующей власти и доверие к ней (политическая цель);
- ◆ распространением идеологий экстремистского, радикального и националистического характера (идеологическая цель) [21].

В последние годы в области киберпреступности тревогу вызывают не только хакерские атаки, но и преступления совершенные при использовании инновационных систем взаиморасчетов, основанных на использовании криптографической технологии распределенного реестра (блокчейн). Наиболее серьезную опасность здесь представляют:

- ◆ создание и использование поддельных сайтов-двойников виртуальных платежных систем, интернет-магазинов, виртуальных бирж;
- ◆ создание и использование «фейковой» платежной криптовалютной системы;
- ◆ создание и использование вредоносных мобильных приложений, в том числе имитирующих работу приложений банковских платежных систем;
- ◆ неправомерное получение логинов и паролей доступа к «электронному кошельку»;
- ◆ блокирование работы сайта виртуальной платежной системы или конкретного «электронного кошелька».

Определяя косвенные возможности нанесения ущерба состоянию национальной безопасности в области цифровизации, необходимо отметить, что большинство данных действий не связано с умыслом, однако при этом велика возможность нанесения ущерба конституцион-

ным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан.

Так, на законодательном уровне отсутствует не только унифицированная система источников электронного взаимодействия (деятельности) органов государственной власти, но и легальные дефиниции базовых для такой системы понятий «электронное взаимодействие» и «информационная инфраструктура электронного взаимодействия». Отсутствие правовой определенности в данной сфере приводит к нарушению прав граждан, в частности, в области налогов и сборов. Например, территориальные налоговые органы незаконно списали со счетов предпринимателей денежные средства из-за неверно переданных данных из ПФР [22].

Полагаем, что означенные термины должны быть определены Федеральным законом об информации, информационных технологиях и защите информации. При этом комплекс правовых норм, регулирующих основанное на цифровых платформах взаимодействие органов исполнительной власти можно объединить посредством правовой модели «электронного правительства».

Проведенное выше исследование характерных признаков цифровой экономики как современного социального явления позволило определить подход к ее пониманию в качестве объекта правового регулирования.

Цифровая экономика как объект правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и защиту публичных интересов посредством принятия мер государственного воздействия, пределы применения которых определены на основе риск-ориентированного подхода, и на реализацию частных интересов граждан и организаций посредством индивидуального регулирования на основе автономии воли субъектов, возникающих в связи с применением в практической деятельности человека основанных на цифровых технологиях методов генерирования, обработки, хранения и передачи данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабриева Т. Право в условиях цифровизации. // www.gur.ru
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N313 (ред. от 23.05.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // *Собрание законодательства РФ* — 2014 — N18 — (часть II) — Ст. 2159.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // документ утратил силу
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 — № 7) // <https://digital.gov.ru>
5. Policy paper UK Digital Strategy 2017. Published 1 March 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy>.
6. Germany digital-strategy-2025. URL: <https://www.de.digital/DIGITAL/Redaktion/EN/Publikation/digital-strategy-2025.pdf?blob=publicationFile&v=9>.
7. France's International Digital Strategy. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/digital-diplomacy/france-s-international-digital-strategy/>.

8. Digital single market. URL: https://ec.europa.eu/commission/priorities/digital-single-market_en.
9. Digital Transformation Strategy Vision 2025. URL: <https://www.dta.gov.au/>.
10. Ручкина Г. Ф., Шайдуллина В. К. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования // Банковское право. — 2018. — N2. — С. 7–17.
11. См.: <http://lexdigital.ru/2018/033/>. (дата обращения — 29.09.2019).
12. <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000801164> (дата обращения — 29.09.2019).
13. Определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40–124668/17–71–160 Ф// СПС «КонсультантПлюс»
14. Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. NY: Knopf, 1995. — 256 p.
15. Матвеева В. М. Цифровая экономика: тренды и перспективы // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности: сб. материалов V Международной науч.-практ. конф. — М. — 2017. — С. 98–104.
16. Норец Н. К., Станкевич А. А. Цифровая экономика: состояние и перспективы развития // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. — С. 173–179.
17. Василенко Н. В. Цифровая экономика: концепции и реальность // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. — С. 147–151.
18. Якушенко К. В., Шиманская А. В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств — членов ЕАЭС // Новости науки и технологий. — 2017. — № 2(41). — С. 11–20.
19. Татаринова С. С. Цифровая экономика и право: новые вызовы — новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — № 3. — С. 62–66.
20. <https://regulation.gov.ru/projects#npa=93066>
21. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-globalnaya-problema-i-ee-reshenie>

© Воронов Алексей Михайлович (adminlaw@igpran.ru), Шмалий Оксана Васильевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт государства и права РАН